

УДК 394.46+398.312(571.54)

В.В. Лыгденова

К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ КУЗНЕЦОВ У БАРГУЗИНСКИХ И КУРУМКАНСКИХ БУРЯТ*

Рассматриваются особенности культа кузнецов у баргузинских и курумканских бурят, проживающих на севере Республики Бурятия. Обряды и традиции, связанные с данным культом, в наиболее архаичной форме сохранились в Баргузинском и Курумканском районах. Анализируются кузнечные культы у родов һэнгэлдэр и галзуд, которые изначально населяли предбайкальский регион, где находился один из крупнейших кузнечных очагов. В настоящее время наблюдается стремление народа к возрождению раннерелигиозных верований, обычаев и обрядов. В связи с этим растет интерес к родовому кузнечному культу. В статье используются собранные автором полевые материалы, которые также включают в себя легенды о кузнецах рода һэнгэлдэр.

Ключевые слова: культ кузнецов, Предбайкалье, верования, раннерелигиозные традиции, родовые обряды.

В настоящее время наблюдается возрождение традиционных верований в Республике Бурятия. Одним из наиболее известных из них является родовой культ кузнецов. Цель представленного исследования – определить и охарактеризовать локальные особенности в современных кузнечных обрядах в северных (Баргузинском и Курумканском) районах Бурятии. Предпринимается попытка проследить формирование кузнечного культа у баргузинских и курумканских бурят, рассмотреть его роль и место в системе традиционной обрядности. Для этого необходимо сравнить кузнечные культы и связанные с ними обряды в других районах Республики.

Култ кузнецов особенно развит в Баргузинском и Курумканском районах Республики, где основное население относится к кузнечным родам, таким как галзуд, һэнгэлдэр и др. Долина р. Баргузин изначально являлась одним из центров железодельного производства и обработки железа. Большинство населения мигрировало сюда в XVIII в. с западного побережья Байкала, с верховий р. Лены, где также проживали известные издревле кузнечные мастера. Предбайкальская территория, являющаяся центром «курумчинской культуры», среди археологов и этнографов известна также как «культура курумчинских кузнецов» [1. С. 282]. Одними из первых кузнечных родов в Баргузинском и Курумканском районах, на основе традиций и верований которых возник и развивался локальный культ кузнецов, являлись һэнгэлдэры и галзуды. В данной работе нами преимущественно будут рассмотрены обряды и традиции кузнечного культа у родов һэнгэлдэр и галзуд.

В научной литературе М.Н. Хангалов впервые обращает внимание на то, что культ кузнецов у западных бурят во многом взаимосвязан не только с шаманизмом, но и, по его предположению, даже с более древними дорелигиозными культурами [2]. Основываясь на записях и легендах, собранных М.Н. Хангаловым, можно предположить, что кузнецы и шаманы часто выступали как конкуренты, и предпочтение народа между ними чаще всего оказывалось на стороне кузнецов. Г.Д. Санжеев в статье «Тайлаган бурятских кузнецов» [3] описывает родовое сборище в честь заянов (божеств-защитников) кузнечного ремесла у кудинских бурят, непосредственным очевидцем которого в 1926 г. он стал. Данная статья позволяет судить о высокой роли кузнечного культа в дореволюционное время в общественной жизни бурят. В 1970–1980-е гг. Г.Р. Галданова провела подробный сравнительный анализ системы кузнечного культа у разных родов на территории Бурятии, в том числе она собрала различные легенды, связанные с историей баргузинских родов галзуд и һэнгэлдэр [4]. Л.Л. Абаева описывает культ кузнецов у селенгинских бурят, выделяя буддийские элементы, инкорпорированные в их обряды и традиции [5]. В научной работе А.А. Бадмаева дается описание обряда освящения кузнечных инструментов у агинских бурят и рассматривается влияние буддизма на них [6]. Кузнечный культ у бурят северных районов Республики во многом схож с традициями якутских кузнецов. Н.А. Алексеев прослеживает общие параллели между ними: у бурят и якутов дар кузнечества являлся наследственным, и кузнецы превосходили шаманов по своей магической силе [7].

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 12-06-90800 мол_рф_нр.

У бурят кузнецы всегда связывались с магией и потусторонними силами, что скорее всего объяснялось автономностью данной профессии. Считалось, что даже кузнечные инструменты обладают способностью защитить человека от неприятностей и злых духов. Буряты Баргузинской долины имели традицию класть кузнечный инструмент на пороге дома, в котором находился больной человек, чтобы кузнечные покровители могли ему помочь [8]. Существует много легенд о соперничестве кузнецов с шаманами, в которых чаще всего победителями выходят кузнецы, так как они могут изготавливать одежду и ритуальные предметы для шаманов. Этот факт говорит о зависимом положении шаманов от кузнецов [2. Т. 1. С. 247]. Буряты также верили в кузнечных эжинов и онгонов. Эжинами являются небесные боги, а под онгонами подразумеваются изображения богов. Род *һэнгэлдэр*, происходящий от эхиритов, имел своих племенных онгонов. У баргузинских и курумканских бурят в кузнеческих призываниях упоминаются глава божественного пантеона, кузнечный эжин Божинтой и его девять сыновей. М.Н. Хангалов пишет о том, что каждый из сыновей являлся хозяином одного из кузнечных орудий: меха – Хара Сагаан, наковальни – Дальтэ Сагаан, молота – Бажир Сагаан, клещей – Ута (или Ама) Сагаан, горна – Хамнан Сагаан, угля – Хухэр Хара, проволоки – Шекши, искры – Хан Сагаан и сулмары (инструмент для пробивания дыр) – Сом Сагаан [2. Т. 1. С. 364]. Культ самого кузнеца как объекта почитания и поклонения был связан с целым комплексом верований и обрядов. Г.Д. Санжеев подробно описывает тайлаган бурятских кузнецов, которые в дореволюционное время были распространены на территории всей Бурятии, в том числе и в соседней Монголии. Почти все село принимало участие в организации тайлагана – молебствия в масштабе улуса или улусов одного рода.

В настоящее время сельские тайлаганы стали редкостью, однако одним из наиболее популярных в Баргузинском и Курумканском районах остается родовой обряд поклонения кузнечным предкам, который обычно проводится раз в три года по соглашению всех семей рода с целью его защиты и процветания. В разных родах существуют свои особенности данного действия. Автором были собраны полевые материалы об обряде поклонения кузнечным предкам под названием *Дарха тахиха* у рода *Һарбадууд-һэнгэлдэр*, представители которого проживают преимущественно в Курумканском районе. Родовой обряд проводится спустя месяц после Сагаалгана (Нового года по лунному календарю) обычно раз в три года по предвари-

тельному решению родового совета. На нем должны присутствовать представители от каждой семьи – как женщины, так и мужчины. Руководителем действия является наследник кузнечных инструментов рода *һэнгэлдэр*. *Дарха тахиха* символизирует поклонение своим предкам-кузнецам: «В этот день собираются все родственники в родовом доме, неподалеку от сел Аргада и Барагхан. Приезжают по одному представителю от каждой семьи как мужчины, так и женщины. Предварительно договариваются с наследником кузнечных инструментов о том, что он будет проводить обряд, и о подходящей дате. Готовятся тканевые цветные ленты (*сэмэлгэ*) по количеству детей в семье. Ключевыми предметами являются наковальня и молоток. Во время обряда ведущий читает воззвания, каждый из мужчин по очереди встает и стучит молотком по наковальне (женщины к данному действию не допускаются). Молоток является реликвией предков (*шагжан*). Наследник кузнечных инструментов на наковальне завязывает *сэмэлгэ* согласно количеству членов каждой семьи. Наковальня находится на деревянной чурке. Если на дворе холодно, то топят печь, а если тепло, то разжигают на дворе костер (*гал*), так как предполагается, что через огонь происходит связь с предками. Все мужчины после этого выходят по очереди на улицу и проводят обрядовое действие *халга* (разбрызгивают вверх молочную водку по четырем сторонам света). Только ведущему дается право брызгать молоко и водку на костер. В это время каждый думает о благополучии своих родственников. Потом все садятся за праздничную трапезу. На стол подается белая пища: саламат (ритуальная каша на сметане), сметана, молоко, творог, масло и чай с молоком. Непременным атрибутом является обрядовый напиток – молочная водка (*архи*)» [9].

Данный ритуал указывает на то, что многие архаические черты кузнечного культа сохраняются и четко просматриваются в современных ритуалах. Так, например, для почитания предков собираются представители от разных семей одного рода, что отсылает нас к родовым отношениям у баргузинских и курумканских бурят, когда все политические и социальные проблемы решались в родовой общине. На ней также лежали заботы о процветании и благополучии рода, в связи с этим ежегодно проводились родовые обрядовые религиозные действия. В прошлом ведущим обряда всегда являлся кузнец или его наследник. Обычно действие проводится в месте, где проживали кузнецы-предки, и для участия в нем приезжают родственники даже из самых дальних районов. При

анализе обряда необходимо выделить особую роль огня и кузнечных инструментов. Огонь играет роль посредника между предками кузнецов и ведущим, представляющим свой род, поэтому брызганье водки и молока на огонь («угощение огня»), а также моление к огню разрешается только наследнику-ведущему. При разжигании ритуального костра необходимо использовать чистые и сухие поленья. Отметим, что все эти действия во многом аналогичны традициям, связанным с раннерелигиозным культом огня у бурят.

Известен другой кузнечный обряд, который наблюдала Г.Р. Галданова. Ею описывается освящение инструментов черных кузнецов рода галзуд с жертвоприношением барана черной масти: «Варили ритуальные блюда: саламат, чай, архи. К кузнечному меху привязывали разноцветные лоскуты. Обряд проводил кузнец «дарханского происхождения» (предки которого были наследственными кузнецами)» [4. С. 89]. В отличие от обряда черных кузнецов галзуд, для рода һэнгэлдэр, берущего начало от белых кузнецов, не нужно приносить кровавое жертвоприношение. Б.Ц. Гомбоев, также исследовавший кузнечный ритуал, посвященный предкам рода галзуд, пишет, что зачастую наряду с сэмэлгэ при обряде используются буддийские ритуальные шарфы (*хадак*) [8. С. 127]. Отличия в кузнечных обрядах зависят во многом от особенностей покровителя каждого рода. К примеру, защитниками рода һэнгэлдэр являются западные небожители-божества. Покровителем рода галзуд является восточный тэнгрин Дархан хара Махакала эзы эхэ хатан. Род һэнгэлдэр относится к эхирит-бурятам. Род галзуд берет свои корни от хори-бурят, проживавших изначально, как и род һэнгэлдэр, в верховьях р. Лены. Согласно принадлежности к разным тэнгринам кузнецы делятся на «белых» и «черных». Род һэнгэлдэр относится к белым кузнецам, соответственно галзуды – к черным кузнецам. В зависимости от этих отличий можно обнаружить немало особенностей в обрядах. В основном они указывают на превалирование буддийских или шаманистских влияний на родовые традиции. При обряде у рода галзуд часто используются буддийские атрибуты: хадаки подвешиваются к кузнечным инструментам во время обряда вместо сэмэлгэ; как наследники-дарханы, так и ламы могут проводить кузнечный обряд; покровителем рода является буддийское божество. В отличие от галзудов род һэнгэлдэр проводит обряды, которые во многом схожи с шаманистскими традициями: на кузнечные инструменты подвязываются только ленты сэмэлгэ и при действии *хаялга* разбрызгивается белая водка (*ар-*

хи). Важно отметить, что покровителем һэнгэлдэров, в отличие от защитника галзудов, не является буддийское божество. Также род һэнгэлдэр не использует кровавых жертвоприношений, и это характерно для белых кузнецов. Имя покровителя рода галзуд Махакала является ламаистским по происхождению. Госпожа мать Маха известна как буддийское божество, воплощающее в себе две сущности – мужское и женское начало. Обычно оно изображается божеством темно-синего или черного цвета, которое имеет свирепый вид. Покровителями же эхиритов, к которым относится род һэнгэлдэр, считаются западные небожители Дархан сагаан тэнгэри. Они являются сыновьями небесного кузнеца Божинтоя, пришедшими на землю, чтобы обучить людей кузнечному ремеслу [10. С. 42]. Таким образом, можно прийти к выводу, что род галзуд, восходящий к племени хори-бурят, испытал более сильное влияние со стороны буддизма еще до прихода в Баргузинскую долину, чем род һэнгэлдэр, этим и объясняется наличие буддийских элементов в кузнечном обряде галзудов.

В полевых материалах о роде һэнгэлдэр Г.Р. Галдановой обнаружена легенда, объясняющая отсутствие наследственной линии преемственности кузнечного дара у рода һэнгэлдэр: «Баргузинские роды галзуд, баяндай и шоно имели наследственных кузнецов. А род һэнгэлдэр не имел их по причине, излагаемой в предании о том, как два брата из этого рода нашли буумал – «небесные» молот и наковальню, но не взяли их, а сбросили в море. Вскоре в семье младшего брата родился сын, который по предопределению свыше должен был стать первым кузнецом рода һэнгэлдэр. Братья убили мальчика, потому что он родился трехглазым, и они приняли его за дьявола-шулмуса» [4. С. 90]. Упоминание схожей легенды нами было зафиксировано при интервью с информантом М.Б. Бадмаевой: «В нашем роду һэнгэлдэр у кузнеца Оодона было четыре сына, из которых двое умерли в юности, они сгорели в доме. Эти два мальчика были необычными, так как из-за них у нашего рода нет наследственной линии кузнецов. Шаманы говорят, что если мы вспомним их имена, то нашему роду от этого будет благополучие. Я спрашивала у родных, одного из них звали Эрдэни, а имя второго никто не помнит» [11]. Данные сведения позволяют судить о том, что шаманы являются своеобразными хранителями легенд рода и участвуют в создании его истории. Приведенный случай подтверждает рост популярности шаманов, стремящихся усилить свое воздействие на верования современных баргузинских

и курумканских бурят. От В.Б. Лыгденова мы узнаем, что «наиболее известным кузнецом в роде һэнгэлдэр являлся белый кузнец Оодон, который прославился тем, что изготовил седло с серебряной отделкой в качестве подарка от баргузинских бурят для цесаревича (впоследствии императора) Николая II, приезжавшего в Бурятию в 1890–1891 гг.» [12]. Данная информация подтверждается в записках о путешествии цесаревича (императора) Николая II в Сибирь: «Баргузинские буряты просили принять бурятское седло (в серебряной отделке с чепраком), лук с футляром, колчан с поясом и со стрелами; все это было отделано в серебро с маржанами (кораллами)» [13. С. 183–184]. Серебряное седло, изготовленное кузнецом Оодоном из рода һэнгэлдэр, хранится в настоящее время в Государственном музее Эрмитаж (г. Санкт-Петербург). Таким образом, легенда, приведенная Г.Р. Галдановой, находит свое подтверждение у информантов.

Шаманы часто выступают не только в качестве хранителей легенд рода, но ими также осуществляется попытка собственной интерпретации кузнечных родовых обрядов. Перед их проведением некоторые представители рода обращаются к местным шаманам за разъяснениями при отсутствии необходимого консультанта. В связи с этим можно сделать вывод о том, что влияние шаманизма на проводимые в настоящее время обряды баргузинских и курумканских родов является определяющим. Роль буддизма в формировании кузнечного культа в Баргузинском и Курумканском районах не оказалась в такой же мере глубокой, как в других районах Республики. При сравнении буддийские элементы последовательно обнаруживаются в обрядах Селенгинского и Агинского районов. Л.Л. Абаева отмечает, что в южных районах не наблюдается дифференциации кузнецов на белых и черных [5. С. 110]. Очевидно, что такое разделение характерно преимущественно для предбайкальских бурят. Скорее всего, на данную категоризацию у баргузинских и курумканских бурят оказали воздействие шаманизм или более раннерелигиозные верования. По данным А.А. Бадмаева, у агинских бурят обряд «освящения» кузнечных инструментов проводится ламой (у белых кузнецов) или шаманом (у черных кузнецов), в то время как у курумканских бурят чаще всего процессом обряда руководит старейшина рода или шаман. Характерно то, что у агинских ювелирных мастеров божественным покровителем являлся Дамдин хажууһан – божество из буддийского пантеона, один из наиболее почитаемых в ламаизме тибетских царей [6. С. 113–114]. Раз в год ему по-

свящают молебны в дацане (буддийском храме). С этой точки зрения буддизм оказал более глубокое воздействие на кузнечные обряды агинских и селенгинских бурят и меньшее – на баргузинских и курумканских. Г.Р. Галданова приводит также пример обряда «освящения» у тункинских и закаменских бурят, который во многом схож с описанным нами выше обрядом [4. С. 87–91]. Данные отличия свидетельствуют о том, что буддийские элементы присутствуют в кузнечных обрядах тункинских и агинских бурят и слабее – у баргузинских и курумканских бурят.

Таким образом, особенности кузнечного культа у баргузинских и курумканских бурят тесно связаны с шаманизмом и с раннерелигиозным культом огня. Буддийские элементы в кузнечных обрядах встречаются преимущественно у тех родов, территория проживания которых уже была охвачена буддизмом до их миграции в Баргузинскую долину, как, например, род галзуд, относящийся к хори-бурятам. Кузнечный культ сохранил свои архаические черты, в которых присутствуют как шаманистские и буддийские, так и дошаманистские элементы, относящиеся к раннерелигиозным культурам. Необходимо отметить, что в настоящее время среди населения наблюдается рост интереса к проведению обрядов, связанных с почитанием родовых кузнецов. Даже те роды, в которых не было кузнецов, также проводят подобные обряды [8. С. 132]. Такая тенденция объясняется стремлением людей лучше узнать историю своего рода, а также с целью защиты своей семьи и родственников от болезней и других негативных внешних воздействий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: ОГИЗ, 1937. 428 с.
2. *Хангалов М.Н.* Собрание сочинений: в 3 т. Улан-Удэ, 2004.
3. *Санжеев Г.Д.* Тайлаган бурятских кузнецов // Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ: Бур. филиал СО АН СССР, 1980. С. 100–120.
4. *Галданова Г.Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 120 с.
5. *Абаева Л.Л.* Культ гор и буддизм в Бурятии (эволюция верований и культов селенгинских бурят). М.: Наука, 1991. 144 с.
6. *Бадмаев А.А.* Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.
7. *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. 242 с.

8. Гомбоев Б.Ц. Шаманизм Баргузинской долины – локальная форма общепурятского шаманизма // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Восточная литература, 2008. С. 105–132.

9. Полевые материалы автора (ПМА), интервью с Дамдиновой Д.Д., род харбадууд хэнгэлдэр, 1957 г.р. с. Аргада, Курумканский район, от 03.01.2012.

10. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.

11. ПМА, интервью с Бадмаевой М.Б., род харбадууд хэнгэлдэр, 1950 г.р., с. Аргада, Курумканский район, от 04.01.2012.

12. ПМА, интервью с Лыгденовым В.Б., род харбадууд хэнгэлдэр, 1954 г.р., с. Аргада, Курумканский район, от 06.01.2012.

13. В Забайкалье // Путешествие Государя Императора Николая II на Восток. М.: Китеж, 2010. С. 183–184.